

23 мая 2023 г. состоялся круглый стол «Сила, насилие, культурная травма», посвященный памяти Александра Павловича Огурцова. В этом номере мы публикуем два выступления на круглом столе, переработанные их авторами в статьи. Прочие выступления будут опубликованы в следующем номере.

Различение и взаимосвязь понятий «концепт», «схема», «метафора»

Розин В. М.,

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии РАН,
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1
ORCID: 0000-0002-4025-2734
rozinvm@gmail.com

Аннотация: В статье предлагается методологическая схема, с одной стороны, описывающая процесс становления новой реальности, которая в дальнейшем может конституироваться как объект (познания или идеальный), с другой — включающая логические «остановки», истолковываемые как схемы, концепты и метафоры. Автор излагает точку зрения на различение схемы и концепта А. П. Огурцова, а также его исследование этапов развития метафоры в политическом дискурсе. На материале реконструкции «Пира» Платона и некоторых высказываний философов характеризуются понятия «схема», «концепт» и «метафора». Утверждается, что в рамках аристотелевской и декартовской философской традиции мышления метафоры могут элиминироваться, а в творчестве выступают неотъемлемым элементом всякого произведения.

Ключевые слова: концепт, схема, метафора, мышление, творчество, понимание, интерпретация, реальность, объект, диалектика, знание.

Как правило, эти понятия обсуждаются и характеризуются в научной литературе как независимые друг от друга. Но уже в диалогах Платона, во всяком случае, по материалу, они образуют синкретическое единство. Например, в «Пире» нарратив андрогина, на основе которого дается определение по-новому понимаемой любви, можно истолковать, с одной стороны, как схему, с другой — как концепт, с третьей стороны — как метафору любви. Но сначала кратко об этих понятиях.

«Концепт, — пишет С. С. Неретина, — формируется речью (с введением этого термина прежде единое Слово жестко разделилось на язык и речь). Речь осуществляется не в сфере грамматики (грамматика включена в нее как часть), а в пространстве души с ее ритмами, энергией, жестикуляцией, интонацией, бесконечными уточнениями,

составляющими смысл комментаторства. Концепт предельно субъективен. Изменяя душу индивида, обдумывающего вещь, он при своем формировании предполагает другого субъекта (слушателя, читателя), анализируя смыслы в ответах на его вопросы, что и рождает диспут. Обращенность к слушателю всегда предполагала одновременную обращенность к трансцендентному источнику речи — Богу. Память и воображение — неотторжимые свойства концепта...» [3].

Схема вводилась автором для объяснения процесса перехода от проблемной ситуации, которую индивид разрешает, изобретая схему, к открытию новой реальности, заданной в этой схеме; при этом схема позволяет понять происходящее и по-новому действовать. Схема — это не отдельные сущности (проблемная ситуация, ее разрешение, семиотическое построение, новая реальность, понимание, новое действие), а процесс, в котором данные сущности выступают самостоятельными моментами («стоянками») [7, с. 57–70].

Метафору автор понимает следующим образом. Он старался показать, что большую роль в процессе создания художественной реальности играют проблемы художника и зрителя, а также схемы и другие семиотические построения (в том числе метафоры), которые создаются, чтобы разрешить эти проблемы. Другое необходимое условие построения событий художественной реальности — создание новой предметности с опорой на схемы, художественные приемы и выразительные средства (понятия «жанр», «композиция», «тема», «драматургия», «мелодия», «гармония», «содержание», «образ» и др., существенно различающиеся для разных видов искусства). Например, метафора может быть понята именно как особая схема, прием и выразительное средство, позволяющие на основе двух художественных содержаний (потенциальных событий) создать новое содержание (новую предметность), в котором как бы сплавлены оба исходных художественных содержания, и за счет своего рода эмерджентного эффекта является для нашего сознания принципиально новое содержание (предметность) [8, с. 34].

Теперь нарратив андрогина в «Пире» Платона. «Прежде, — говорит герой «Пира» Аристофан, — люди были трех полов, а не двух, как ныне, — мужского и женского, ибо существовал еще третий пол, который соединял в себе признаки этих обоих; сам он исчез, и от него сохранилось только имя, ставшее бранным, — андрогины... Страшные своей силой и мощью, они питали великие замыслы и посягали даже на власть богов... И вот Зевс и прочие боги стали совещаться, как поступить с ними... Наконец, Зевс, насилу кое-что придумав, говорит: «...Я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее, а во-вторых, полезней для нас...» Итак, каждый из нас — это половинка человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа, которое называлось андрогином, охочи до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины (*андрогина женского пола*. — В. Р.), к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно к этой породе. Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве, будучи дольками существа мужского пола, они любят мужчин, и им нравится

лежать и обниматься с мужчинами. Это самые лучшие из мальчиков и юношей, ибо они от природы самые мужественные» [5, с. 100].

Затем, основываясь на этом нарративе, Аристофан предлагает не только определение любви, но и намечает новое практикование любви. «Таким образом, любовью называется жажда целостности и стремление к ней. Прежде, повторяю, мы были чем-то единым, а теперь из-за нашей несправедливости мы поселены богом порознь... помирившись и подружившись с этим богом (*Эротом*. — В. Р.), мы встретим и найдем тех, кого любим, свою половину, что теперь мало кому удается» [там же, с. 101].

Так вот, во-первых, данный нарратив — прекрасный пример схемы (по Розину). Это ответ на проблемную ситуацию — *невозможность становящейся античной личности любить в традиционной модели*, в соответствии с которой любовь вызывается действиями богов любви (Афродиты и Эрота). И не просто ответ, а решение проблемы как переключение любви с родового на индивидуальное, на свободный выбор, обусловленный личностью. И задание новой реальности, которую каждый может понимать по-своему, в отличие от определения новой любви, которого приходится придерживаться (определения, задающего, с точки зрения современной философии науки, «идеальный объект»). Наконец, ответ, как задающий возможность нового действия (практикования платонической любви).

Проблемная ситуация	СХЕМА	
	↓	→ Новое действие
	Новая реальность	

Во-вторых, данный нарратив — не менее убедительная иллюстрация концепта (по Неретиной). Платон вслед за Сократом принадлежал именно к когорте становящейся античной личности. Анализ «Пира», включая и две другие схемы (любви как «вынашивания духовных плодов», как «гения», т. е. посредника между богами и людьми), показывает, что в схемах Платону удалось схватить (выразить, собрать, «концепировать») смыслы, позволяющие ему помыслить новое понимание любви и существования философа. Любовь, по Платону, — это не только поиск своей половины и стремление к целостности, но и дружба между возлюбленным и любящим, причем такая, где любящий ведет (воспитывает) возлюбленного и, отчасти, самого себя; это и разумное начало (стремление к бессмертию, мудрости, рассудительности, долгу, справедливости); это и преодоление страстных, обыденных влечений («нескромности»), столь характерное для философской жизни.

Беременный духовно, говорит он устами героини Диотимы, «радуется прекрасному телу больше, чем безобразному, но особенно рад, если такое тело встретится ему в сочетании с прекрасной, благородной и даровитой душой: для такого человека он сразу находит слова о добродетели, о том, каким должен быть и чему должен посвятить себя достойный муж, и принимается за его *воспитание*. Проводя время с таким человеком, он, я думаю, соприкасается с прекрасным и родит на свет то, чем давно беременен. <...> А кто родил и вскормил истинную добродетель, тому достается в удел любовь богов, и если кто-либо бывает бессмертен, то именно он» [там же, с. 120].

Проблемная ситуация Платона	КОНЦЕПТ любви	
	↓	Новое понимание
	Новая реальность	

А метафору любви в «Пире» обозначает сам Платон: «Итак, каждый из нас — это половинка человека (*явно Платон имеет в виду андрогина. — В. Р.*), рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину».

Проблемная ситуация Платона	СХЕМА-КОНЦЕПТ-МЕТАФОРА любви	
	↓	→ Новое понимание и действие
	Новая реальность	

Но, во-первых, понятно, что многое изменилось после Платона. Во-вторых, ведь предложенная интерпретация творчества Платона и «Пира» современная, авторская [9]. В-третьих, вспомнил критику в свой адрес Огурцова, указывающего на преждевременность создания автором новой дисциплины — «Схемологии» [4]. «Детальное описание многообразных типов схем, — пишет он, — используемых в наши дни (психологических, проектных, направляющих, методологических, технологических и др.), и их разных функций приводит В. М. Розина к выводу о необходимости создания «схемологии» — самостоятельной гуманитарной научной дисциплины, близкой к семиотике и выполняющей функции, аналогичные математике в естествознании. Принимая его описание многообразных схем, не могу согласиться ни с предложением о создании новой научной дисциплины — схемологии, ни с определением ее функций. Аналогичным образом не могу согласиться и с предложением В. П. Макаренко о создании новой научной дисциплины — концептологии. Дело не столько в несвоевременности такого рода предложений, поскольку еще далеко не полностью описано все многообразие концептов и схем, сколько в том, что формирование научной дисциплины закрывает перспективы для осознания методологической функции и концептов, и схем. Подобная схематизация различных типов концептов и схем фиксирует их использование для ряда эпистемических целей, от замещения идеальных объектов научной теории до коммуникации со своими приверженцами и оппонентами, но не позволяет отделить первичную функцию от производных, нехарактерных для них. В этом описании многообразных типов концептов и схем и их функций утрачиваются их главенствующие тип и функции — быть выражением авторской инновации, для схемы — быть первым шагом в ее переходе к признанию микросообществом и научным сообществом» [4, с. 54–55].

Прежде чем я отнесусь к этому замечанию Александра Павловича, настаивающего на различении понятий «схема» и «концепт» (что само по себе верно, но в случае авторского понятия схемы предполагает важное пояснение), остановлюсь на анализе Огурцовым политической метафоры в статье «Метафора и дискурс» из книги «Апории дискурса» [2, с. 57–72]. Огурцов в этой работе не обсуждает прямо понятие метафоры, но из его анализа конкретных политических метафор можно понять, что под метафорой он понимает аналогию. «Одной из наиболее распространенных метафор относительно Бога как правителя мира, — пишет Александр Павлович, — была метафора Отца, которая переносилась и на правителей земных. Эта метафора из Библии: «у нас один Бог Отец... и один Господь» (1 Кор. 8:6). Сопоставление власти Бога с властью Отца и правления земных царей, королей и императоров с отеческой властью, заботящейся о своих подданных, пронизывает всю христианскую теологию от Августина и Фомы Аквинского (см.: Сумма теологии. Вопр. 103, 3) до английского политического деятеля и роялиста XVII в. Роберта Филмера, опубликовавшего в 1680 г. книгу “Patriarcha: a Defence of the Natural Power of Kings against the Unnatural Liberty of the People” («Патриарх: защита естественной власти королей против неестественной свободы народа»). Именно эту книгу подверг критике Дж. Локк в своем первом трактате о правлении. Как мы видим, аналогия управления Богом миром с управлением королем народом ради общего блага составляет важнейшую черту теологической легитимации власти: отправление суверенитета сувереном-властителем осуществляется благодаря механизмам управления. Государство, во главе которого стоит монарх, есть господство над людьми, а его механизмы управления все более и более рационализируются» [там же, с. 66–67].

Если речь идет об интерпретации конкретного текста и интересующего исследователя аспекта культуры, то понимание метафоры как аналогии вполне достаточно. Но меня интересует другое: *почему именно метафора и как на нее выходят?* Одна функция метафоры в политическом дискурсе указана самим Огурцовым — **правитель должен обладать рядом важных для народа черт (характеристик)**. «Среди функций пастыря, — пишет он, анализируя античные произведения, — названы врачевание больных овец, перевязка раненых, поиск потерянных, возвращение угнанных, пастьба овец без насилия и жестокости». В Средние века «Пастырь предстает как учитель для своей паствы, наставник и воспитатель совести паствы, что и осуществляется на исповеди, как и наставничество, направленное на спасение паствы» [там же, с. 59, 64].

Вторая функция метафоры указана Огурцовым косвенно: этот **портрет (образ) правителя должен быть пастве (аудитории) понятен**, легко прочитываемый (т. е. это **коммуникационная функция**).

Третья функция — **жанровая и стилистическая** (речь разукрашенная, впечатляющая); она довольно подробно обсуждалась позднее в требованиях к риторике.

Спрашивается, каким образом в политическом дискурсе реализовать эти три функции? *Создав «схему-концепт-метафору»*. «Возникают такие «концепты-кентавры», — замечает Огурцов, — в которых есть что-то от реальности и что-то от фикций» [там же, с. 57]. Схема позволяет разрешить проблемную ситуацию, задает новую реальность, обеспечивает понимание, позволяет по-новому действовать. Концепт — выразить целостно, схватить в единстве смыслы, роящиеся в сознании политика. Метафора — на основе двух реальностей (предметностей) задать новую.

Конечно, схемы, концепты и метафоры как понятия — это разные образования, но в конкретных ситуациях, процессах мышления и творчества схемы, концепты и метафоры вступают во взаимодействие: без схем невозможно создать концепты и метафоры, и наоборот, характер концептов и метафор подсказывает направление построения схем. Вернемся еще раз к «Пиру».

Платон должен открыть (он считает «припомнить») такое представление о любви, которое позволяет любить личности. Последняя действует и выбирает самостоятельно, причем, будучи философом, Платон припоминает миф об андрогине, правда, в нем ничего не сказано о влюбленных, а просто, что были существа, как бы составленные из двух индивидов. Почему не из влюбленных? Хорошо, пусть будут влюбленные. Но каким образом они соединились в такую странную целостность (единство), и что индивидов удерживает вместе, если не любовь (эрос)? Однако для личности характерен свободный выбор. Что она выбирала и зачем? Здесь Платон припоминает другой миф — сотворения мира из хаоса, рождение эроса, запустившего размножение и создание богов и титанов, борьбу последних с богами, наконец, победу Зевса над титанами и установление мирового порядка. Вот настоящая личность — Зевс, а его любимая дочь — Афина Паллада, покровительница философов. Что Зевс делал, сражаясь с титанами, — восстанавливал порядок, кто его направлял — эрос. Осталось отождествить титанов с андрогинами, андрогинов с влюбленными, победу Зевса над титанами как рассечение андрогинов на половинки, наконец, действие эроса как стремление половинок, сиречь влюбленных, к воссоединению в целостность, что одновременно есть установление порядка (закона) существования личности.

Так или примерно так, вероятно, мог размышлять-припоминать Платон. Конечно, с современной точки зрения, он сочиняет схемы и новое понятие любви. При этом с точки зрения введенных выше понятий, Платон изобретал схему, позволяющую ему «концептировать» (так стали говорить в средние века), т. е. артикулировать и собрать в единство смыслы любви, а также построить метафору, позволяющую по-новому *истолковать и понять любовь на основе мифов*.

Теперь я могу, откликаясь на замечание Огурцова, уточнить свое понимание схемы. Оно как «понятие-конфигуратор», как авторский концепт, с одной стороны, содержит **отдельные понятия** — концепта, схемы и метафоры (последнее, однако, не всегда), с другой стороны, задает между ними **переходы в логике становления** (развития). Если речь идет о концептировании, то схема выступает необходимым условием сборки смыслов сознания индивида (т. е. концепта), если — задания новой предметности на основе двух других, то условием построения метафоры. Если же реконструируется процесс перехода от проблем индивида к новой реальности и действию, что предполагает в том числе концептирование и нередко построение метафоры, то речь идет о собственно схеме.

Возможно, Платон в какой-то мере осознает эту двойную логику диалектики («стоянки» в форме отдельных понятий и переход от одних к другим). В «Седьмом письме» он говорит: ««Для каждого из существующих предметов есть три ступени, с помощью которых необходимо образуется его познание; четвертая ступень — это само знание, пятой же должно считать то, что познается само по себе и есть подлинное бытие: итак, первое — это имя, второе — определение, третье — изображение, четвертое — знание... Все это нужно считать чем-то единым, так как это существует не в звуках и не в телесных формах,

но в душах... Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки — имени определением, видимых образов — ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека» [6, с. 493–494, 496].

И еще одно уточнение. На мой взгляд, важно развести позицию создателей схем-метафор, включая пользователей этих схем, и позицию современного исследователя. Огурцов — современный исследователь, его интересуют сущность и особенности политического дискурса, в рамках которого необходимо было развести понятия концепта и схемы. Создателей же самих схем, концептов и метафор политического дискурса, естественно, волновали другие проблемы. Для них наши различения не существовали, но существовали какие-то их исторические *протипы*, причем не как разделенные, а *в синкретическом единстве*. В нашем современном осмыслении это единство лучше всего схватывается в понятии «понимание». Понимание как авторская инновация, как разрешение проблемной ситуации, как новая реальность, как потенция к новому действию (вспомним Цветаеву, которая говорила, что «от понимания до принятия не один шаг, а никакого: понять и есть принять, никакого другого понимания нет, всякое иное понимание — непонимание»).

Интересный вопрос, а всегда ли, если осуществляется концепирование, необходимы схемы и метафоры? Схема необходима всегда, поскольку это семиотическое (графическое, вербальное или письменное) условие сознавания и выражения нового (условие явления предмета, «предметизации»). А вот необходимость метафоры зависит от той или иной концепции (в отличие, подчеркивает Неретина, от концепта) познания и дискурса мышления. Платон, понимая познание как диалектику (своего рода синергию усилий человека и богов), считал метафоры совершенно необходимым инструментом «рождения каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека». Аристотель, сводя процесс получения истинного знания (эпистемы) к мышлению как объективному действию по правилам и категориям, наоборот, с подозрительностью относился к метафорам и старался их убрать из рассуждений и доказательств. Неслучайно Огурцов, имея в виду сдвиг от платоновской диалектики к аристотелевскому пониманию мышления, фиксирует следующую закономерность — «Основная линия в развитии дискурсов об управлении — переход от языка метафор к нейтральному концептуальному языку» [2, с. 69].

Но если рассматривать интимный процесс творчества, а не мышление по Аристотелю или по Декарту (Канту, Щедровицкому) с концепциями метода и методологии, то, думаю, обойтись без метафор очень трудно. Вот, например, Владимир Бибахин доказывает, что бытие как присутствие нужно понимать как не имеющее строения и невидимое. «Выражения, — пишет Бибахин, — экзистенциальный анализ, анализ вот-бытия, присутствия или, как я иногда перевожу в данной статье, здесь-и-теперь-бытия, *die existenziale Analytik des Daseins, Analytik des Daseins*, у всех на языке. Они понимаются однозначно: анализу подвергается, по-видимому, то, что сложно. *Dasein* по общему убеждению имеет структуру. Присутствие есть прежде всего *In-der-Welt-sein*, бытие-в-мире; оно всегда *Mitsein*, бытие с другими (если Левинас этого не заметил, то не все читатели прошли мимо §§ 25–27 «Бытия и времени»); дальше, *Dasein* есть забота, *die Sorge*, и в этом качестве буквально выплескивает из себя сложнейшие структуры, бросая себя на подручное

и наличное, на что решает растратить себя; анализ осложняется... Спросим однако, есть ли действительно у Dasein структура?

Не выходя из «Бытия и времени», в тексте этой же книги мы находим Dasein без структуры, так что всё, принимаемое за его аналитику, относится только к его падению (Verfall), в котором оно перестало быть собой. Само по себе присутствие несоставно, как во всей классической мысли безусловно проста душа... Аналитика исходного присутствия невозможна как из-за его простоты, так и потому, что на уровне экзистенции присутствие невидимо...» [1].

Но как в этом случае говорить о бытии, если не с помощью метафор? Я бы различал мышление как объективный процесс и деятельность и творчество индивида (философа, ученого, инженера, художника и пр.), как процесс, принципиально обусловленный субъективностью. Если в первом хотя и используются метафоры, но они могут элиминироваться из окончательного построения (рассуждения, доказательства, теории), то в творчестве метафоры — неотъемлемый элемент всякого произведения.

Думаю, если бы Александр Павлович присутствовал сегодня в нашей аудитории и, как он всегда делал, внимательно выслушал сообщение докладчика, он бы согласился с моими аргументами. А если нет, то я получил бы дополнительный материал для дальнейших размышлений.

Литература

1. Бибихин В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge». URL: <http://bibikhin.ru/Hydegger> (дата обращения: 15.05.2023).
2. Неретина С. С. Апории дискурса [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; С. С. Неретина, А. П. Огурцов, Н. Н. Мурзин, К. А. Павлов-Пинус. — М.: ИФ РАН, 2017. — 119 с.
3. Неретина С. С. Концепт. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4425/КОНЦЕПТ (дата обращения: 15.05.2023).
4. Огурцов А. П. Генетическая методология и переход от индивидуальной инновации к ее общезначимости // Методология науки и антропология / отв. ред. О. И. Генисаретский, А. П. Огурцов. — М.: ИФ РАН, 2012. — С. 11–58.
5. Платон. Пир // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — С. 81–134.
6. Платон. Седьмое письмо // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1994. — С. 475–504.
7. Розин В. М. Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании. — М.: ЛИБРОКОМ, 2011. — 256 с.
8. Розин В. М. — Метафора как средство построения художественной реальности (на примере анализа метафоры «кентавр» в романе Меира Шалева «Эсав») // Культура и искусство. — 2022. № 2. — С. 31–42.

9. Розин В. М. «Пир» Платона: Новая реконструкция и некоторые реминисценции в философии и культуре. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — 200 с.

References

1. Bibihin V. *Hajdegger: ot "Bytiya i vremeni" k "Beiträge"* [Heidegger: from "Being and Time" to "Beiträge"]. URL: [<http://bibikhin.ru/Hydegger>, accessed on 15.05.2023]. (In Russian.)
2. Neretina S. S. *Aporii diskursa [Tekst]* [Aporias of discourse]. Moscow: IF RAN, 2017. 119 p. (In Russian.)
3. Neretina S. S. *Koncept* [Concept]. URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4425/KONCEPT, accessed on 15.05.2023]. (In Russian.)
4. Ogurtsov A. P. "Geneticheskaya metodologiya i perekhod ot individual'noj innovacii k ee obshcheznamichnosti" [Genetic methodology and the transition from individual innovation to its general significance], *Metodologiya nauki i antropologiya* [Methodology of Science and Anthropology]. Moscow: IF RAN, 2012, pp. 11–58. (In Russian.)
5. Plato. "Pir" [Feast], in: Plato, *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected Works in 4 vols.], Vol. 2. Moscow: Mysl', 1993, pp. 81–134. (In Russian.)
6. Plato. "Sed'moe pis'mo" [Seventh letter], in: Plato, *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected Works in 4 vols.], Vol. 4. Moscow: Mysl', 1994, pp. 475–504. (In Russian.)
7. Rozin V. M. — *Metafora kak sredstvo postroeniya hudozhestvennoj real'nosti (na primere analiza metafory "kentavr" v romane Meira SHaleva "Esav")* [Metaphor as a means of constructing artistic reality (on the example of the analysis of the metaphor "centaur" in Meir Shalev's novel "Esav")]. Culture and Art, 2022, no. 2, pp. 31–42. (In Russian.)
8. Rozin V. M. "Pir" Platona: *Novaya rekonstrukciya i nekotorye reminiscencii v filosofii i kul'ture* ["Feast" of Plato: New reconstruction and some reminiscences in philosophy and culture]. Moscow: LENOAND, 2015. 200 p. (In Russian.)
9. Rozin V. M. *Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii* [Introduction to schematology: schemas in philosophy, culture, science, design]. Moscow: LIBROKOM, 2011. 256 p. (In Russian.)

Distinguishing and interrelation of the notions “concept”, “scheme”, “metaphor”

Rozin V. M.,

Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0002-4025-2734
rozinvm@gmail.com

Abstract: The article proposes a methodological scheme, on the one hand, describing the process of the formation of a new reality, which can later be constituted as an object (cognition or ideal), on the other hand, including logical “stops” interpreted as schemes, concepts and metaphors. The author presents a point of view on the distinction between the scheme and the concept of A. P. Ogurtsov, as well as his study of the development of metaphor in political discourse. On the material of the reconstruction of Plato's “Feast” and some statements of philosophers, the concepts of schema, concept and metaphor are characterized. It is argued that within the framework of the Aristotelian and Cartesian traditions of thinking, metaphors can be eliminated, and in creativity they are an integral element of any work.

Keywords: concept, scheme, metaphor, thinking, creativity, understanding, interpretation, reality, object, dialectics, knowledge.